

Колесов Владимир Викторович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
v.kolesov@spbu.ru, prof.kolesov@gmail.com

«Первосмысл» концепта

Для цитирования: Колесов В.В. «Первосмысл» концепта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т.15. Вып.3. С.438–452. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.309>

В статье излагаются результаты исследований автора в области исторической концептологии. Показаны пути возникновения *первосмысла* в образной форме *первообраза*, совместно именуемых *концептумом* (лат. *conceptum* ‘зерно, зародыш’), как первоначального состава *концепта* (лат. *conceptus* ‘содержащий’), последовательно образующего новые формы — *образа*, *символа* и *понятия*. Автор различает три уровня производных от лат. *conspīrio* ‘собирать, содержать, возникать’: на основании первосмысла исходных «трехбуквенных корней» индоевропейского праязыка (Э. Бенвенист) выявлены *conceptum* как ‘зерно’ первосмысла, *conceptus* как концепт (смысл), *conceptio* как концепция с формированием значений словесных знаков, соответственно *prō* > *pra* (*первосмысл*), *pra-v* с расширением консонантным распространителем *-v-* (*первообраз*), с суффиксами *pra-v-ǵd-a* (*символ*), *pra-v-ǵd-ǵn* с окончательной формой *pra-v-ǵd-ǵn-ost-ǵ*, представляющей собой понятийный состав концепта, который тем самым завершил свое формирование. В результате фонетических преобразований в течение веков сейчас даже трудно осознать первоначальное родство, например, англ. *man* и рус. *муж*, лат. *lingua* и рус. *язык*. Уже первосмысл способен исказить перспективу понимания, как это произошло с корнем *prō* > *pra* — изменение прямой перспективы на обратную (*прадед* в прошлом). Первосмысл концептума связывает далеко разошедшиеся ветви индоевропейских языков, потому что только первосмысл концептума неизменен и вечен.

Ключевые слова: концепт, концептум, концепция, концептуальный квадрат, внутренняя форма, семантическая константа.

[Хайдеггер] исследует язык, но не разрушает его. Лишь иногда во время своей филологической акупунктуры он достает глубоко воткнутой иглой один из индоевропейских корней, и тогда на мгновение болевой шок срывает пелену с глаз.

Дмитрий Галковский. *Бесконечный тупик*

Исходные положения

Концептология — когнитивное учение о концептах в их содержательных формах и в их истории; они представляют собою **сущности** общенародного подсознательного, выраженного вербально, в словах и грамматических формах родного языка. В обычном использовании термин «концепт» употребляется в значении ‘по-

нятие, что вызывает нежелательные сдвиги смысла. Это значение восходит к представлению средневековых схоластов и не отражает исходного значения слова. Истинный смысл терминов содержится в их основаниях.

Определяются три уровня изучения, обеспеченных терминами общей латинской основы *concip-io*, в числе которой имеются значения 'содержать, воображать, задумывать, образовывать': *концептум* (*conceptum* 'зерно, зародыш' первосмысла, *σπέρμα* Аристотеля) — по происхождению супин («достигательное наклонение» в славянской традиции), *концепт* (*conceptus* 'содержащий', как имя — 'произрастание', 'восполнение') по происхождению перфектное причастие, и *концепция* (*conceptio* 'соединение, сумма, совокупность'). Концептум как составная часть концепта порождает *образ* концептума, *символ* образа и *понятие* символа, следовательно, *концепт*, представленный как *понятие*, является всего лишь **результатом** последовательного накопления содержательных форм концепта — образа, символа и собственно понятия. Это значит, что современное представление о концепте как **только** понятию снимает все промежуточные формы его восполнения содержательными формами (механицизм номинализма).

Выстраивается семантическая (каузальная) константа — постоянная связь «четырёх причин» Аристотеля: глагольная основа как **основание**, концептум как **условие**, концепт как действующая **причина** и концепция как конечная **цель**.

Как сказано, в современном употреблении термин *концепт* используется в значении 'понятие', а *концепция* — как 'система взглядов' или 'основополагающий замысел'. По-видимому, Д. С. Лихачев в своей *концептосфере* под *концептом* имел в виду *концепцию* (литературовед изучает текст, а не слово) [Лихачев 1993], а создатель термина, С. А. Аскольдов (Алексеев), в соответствии с духом времени, воспринимал *концепт* и *концепцию* слитно, в синкретизме; он говорил о концептуме («туманное нечто»), о концепте как представлении и о концепции как гештальте [Аскольдов 1928: 28–44]. Это вполне возможное смешение, поскольку в отношении к формальному языкознанию *концепция* соотносится с синтаксисом, а *концепт* — с морфологией (концепт представлен в концептуальном квадрате своеобразной *парадигмой* — ментальной матрицей из четырёх составов — образа, символа, понятия и концептума). Заметим, что Аскольдов говорил о концепте и слове, а Лихачев о концептосфере в ее целом.

Общность корня действительно мешает четкому разграничению этих трех уровней исследования, выстроенных в виде «матрешки»: *концептум* входит в состав *концепта* как его основание, а некоторая сумма *концептов* служит для построения *концепции*. Поэтому *концепт* смешивают либо с *понятием* (в переводных текстах), либо с *концепцией* (в теории). В западной литературе базовым признается средний член — *концепт* (который именуется понятием) — с **расширением** в *концепцию* (ментальный процесс **категоризации**). Концептология строго различает эти понятия, дополнительно вводя новый термин *концептум* с утверждением ментального процесса *концептуализации* (с **вглублением** в концептум, а через него — в сферу подсознательного). Русская ментальность, с ее ориентацией на **сущность** в отличие от явления, базовым элементом признает то, «откуда все пошло», т. е. концептум — с **углублением** в составы концепта (содержательные формы концепта *образ*, *понятие*, *символ* вместе с их основанием, «зерном первосмысла»).

Все сказанное есть совершенно необходимые уточнения предмета, поскольку, согласно замечанию Г. Гегеля, «чем богаче по содержанию предмет, тем больше ему дается дефиниций» [Гегель 1974: 413]. Необходима точность в выражении понятий.

Во всех случаях речь идет о рождении нового знания (это основное содержание **когнитивистики**) на основе совместного действия (приставка *con-* равна русской приставке *с-* в значении совместности), предварительно замысленного и получившего воплощение в «зерне» **первосмысла**.

Первосмысл концепта

Минимальные единицы сознания часто именуют «прототипами», «примитивами», «архетипами», «первотектонами» (перводвигателями) и т. п., которые, являясь **вещными**, не проникают в глубину искомого состава, оставаясь на поверхности явления. В русской философии неоднократно пытались обозначить подобную единицу ментальности как минимальный фрагмент **помысленной сущности**, здесь условно названной *концептумом* — зерном первосмысла, в отличие от *концепта* в полном составе его содержательных форм (*conceptus* ‘содержащий’).

Глубина залегания первосмысла достаточно велика, он восходит к *первоформе*, реконструированной Э. Бенвенистом как «односложная, трехбуквенная» [Бенвенист 1955: 201], и расширенной прибавлением к корню консонантного распространителя (*праартикля*) в позднем индоевропейском, с уже оформившимся состоянием самостоятельных слов, которые входили и в словарный состав праславянского языка, с чуть преобразованным значением (по причине усложнения слова включением смысла наличных распространителей) [Демидов 2011]. См.:

**prō* ‘вперед(и)’ > *pra* ‘пра-форма, пра-язык’ с артиклем *-v-* > *правь*;

**rei* ‘реять, виться’ *-k-a* ‘ток, течение’ с артиклем *-k-* > *рѣка* (*реять*).

Примеры подобных членений находим у А. А. Потевни, который, именуя распространители суффиксами, показал соотношение *ста-р-*, *сто-л-*, *бы-к-* и т. п. [Потевня 1976: 116].

Таким образом, на первом этапе развития корня явился *первосмысл*, который присутствует в *корнях* всех индоевропейских языков («внутренняя форма» Потевни), но *первообраз* этого первосмысла, как достояние общеславянского языка («ближайшее значение» Потевни), представлен уже в законченной единице — в слове, постепенно обраставшем серией производных с помощью уже **суффиксов** (в их составе обязательно наличие гласного): *пра* > *пра-в* > *пра-в-ьд-а* > *пра-в-ьд-ьн-ь* (*правден*) > *пра-в-ьд-ьн-ост-ь*. Идея «**вперед и вверх**» в конце концов обернулась сакральной **праведностью**. Четыре указанных слова исчерпывают состав ментальной парадигмы (концептуального квадрата), представляя их как *основание* — *концептум*, *условие* — *образ*, *причину* — *понятие* и *цель* — *символ*. Концепт сложился, как только ментальная матрица в виде концептуальной парадигмы заместилась полным своим составом и смогла быть представленной (явленной) также вербально выраженными словами. Концепт потому **базовый** термин, что он двузначен, обращен как к ментальному концептуму, так и к реальной концепции, — в концепте одновременно присутствуют ментальные составляющие (образ, понятие, символ) и реальные их заместители в виде самостоятельных концептов. Например, *Вера*,

Надежда, Любовь при основании София у концепта Благо или Семья, Хозяйство, Здание при основании Кров у концепта Дом.

Концептум следует понимать как **единство** логического *первосмысла* в его языковом образе — *первообразе*. Строго говоря, сам первосмысл неизвестен, как ускользает из сознания четвертое измерение, он **явлен** в первой образной форме — в корневой морфеме, обогащенной распространителем. Именно отсюда идет давно замеченная связь мысли и слова, ставшая основанием для развития когнитивистики как направлении лингвистического метода.

Примеры развития первосмысла

Несколько примеров покажут процесс оформления первосмысла корня в его первообразе — создание *концептума* в его цельности:

**ran* ‘угол, дуга’ -*k-a* ‘сбор, собрание’ с артиклем -*k-* > *ржка* > *рука*;

**rei* ‘громыхать, виться’ -*k-a* ‘ток, течение’ с артиклем -*k-* > *рѣка* > *река*.

Один и тот же первосмысл мог обретать различные «образы»:

**dō* > **da* ‘давать, нести’:

- с распространителем -*r-ъ* ‘милость’ > *дарѣ* (добровольный);
- с распространителем -*n-ъ* ‘даяние’ > *дань* (по принуждению);
- с распространителем -*l-ъ* > *далѣ* действительное причастие.

Все древнейшие **распространители** имели определенные значения, кроме -*k-* («неопределенный артикль»), а именно:

- v** — нерасчлененное имя, дальнейшее действие;
- d** — пространственное ограничение;
- l** — действие, действительный залог;
- n** — признак непереходности, внешний, неясный;
- p** — предикативность «углубления»;
- c** — определительно-отождествительный признак с усилением;
- t** — имена действия или качества, предметность.

Особенно древние корни, к числу которых относятся корни с дифтонгами, способны развить целый «куст» производных (некоторые параллели сомнительны), ср.:

**mai* > *mě* ‘рубить’:

- *mьдь* с пространственно-ограничительным -*д-* (гот. *maitan* ‘рубить’);
- *mьль* с -*л-* инструментального значения (д.-в.-н. *meil, meilo* ‘пятно’);
- *mьна* с -*н-* неопределенно внешнего значения (лит. *mainas* ‘мена’);
- *mьра* с -*р-* предикативного углубления (тохар. *mai* ‘мерить’);
- *mьс(ить)* с -*с-* определенно-отождествительного значения (лит. *maišyti* ‘мести’);
- *mьта* с -*т-* качества действия (гот. *maitan* ‘рубить, высекать’).

Во всех образованиях сохраняется значение отделения, выделения, «высекания» с определенными оттенками смысла, при этом исходная форма сохраняет исходное же значение, а фонетически изменившаяся обычно дает значения переносные:

**rei-* $\begin{cases} \rightarrow \textit{rei-ati} — \text{первосмысл сохранился в исходной форме} > \textit{реять} \\ \rightarrow \textit{rě-k-a} — \text{первообраз переносно с измененной формой} > \textit{река} \end{cases}$

**vei-* $\begin{cases} \rightarrow \textit{vei-ati} — \text{первосмысл сохранился в исходной форме} > \textit{веять} \\ \rightarrow \textit{věk} — \text{первообраз переносно с измененной формой} > \textit{век} \end{cases}$

Неизменная форма сохраняет внутренний образ исходного корня. Так, англ. *arm*, восходящее к преобразованному корню **ran-* с метатезой гласного, обозначает руку только от кисти до предплечья, что соответствует исходному образу ‘угол, дуга’. В славянском корне уже фонетически измененная форма преобразовывала первосмысл, ср. *prō* > *pra* с изменением перспективы с прямой на обратную: то, что впереди, находится сзади.

Ближайшее сопоставление, которое напрашивается, — символ Вавилонской башни, при построении которой «языки разошлись», ибо в долговременном и грандиозном строительстве работники были разобщены и не могли создавать одинаковым образом новые, необходимые для дела, слова.

Наполнение слова

Развитие концепта в «теле» слова можно показать на следующем примере. Концепт *Язык* исторически складывался из ряда морфем, всего их шесть:

* *j — ep — ĝh — ū — k — ŭ, —*

что в старославянских текстах передавалось словом *ѡзыкъ*. Корень — носитель концептума — выделен полужирным, в соединении с формальным выражением основы *ŭ* он обозначал ‘то, что звучит’; в современном языке точно соответствует форме *зык* (а в преобразованном виде также *звук*) — уже с добавлением распространителя *k*, основным значением которого в это время была относительная **неопределенность** (сохранилась в местоимении *къ-то*). Как носитель первосмысла, корень принадлежит всем родственным языкам. Например, лат. *lingua* по составу морфем соответствует слав. *ѡзыкъ* (с сохранением корня в языке-кентум и при различии в протезах); то же относится к европейским языкам, заимствовавшим это слово (ср. англ. *language*).

Приставка *ep (in)* добавляла значение ‘в’ (внутренний звук — еще одно производное того же корня). Исторически в результате нескольких метонимических соединений смысл слова расширялся, в современном русском языке сохраняются все промежуточные стадии «приращения смысла»: символические ‘словесное выражение мыслей’, ‘стиль’, ‘система знаков разного рода’ и понятийные ‘орган тела’ и ‘орган речи’, понятийное значение ближе всего выражает концептуальное зерно первосмысла; так и должно быть — ведь понятийное (логическое) мышление и заключается в том, чтобы максимально приблизиться к смыслу исходного концепту-

ма, «выразить невыразимое», **понять в понятии**. В Средние же века контекстных значений слова *язык* множество, и все они внутренним стержнем своим сохраняют связь с синкретически представленным смыслом 'звуко-мысль', 'осмысленный звук', ср. в исторических словарях отмеченные по текстам значения 'народ', 'вера', 'свой', 'завещание' и т. д.

При всех возможных преобразованиях формы слова концептум (первосмысл) сохраняется; это основной закон ментального действия.

«Идол истока»

Французские историки высказались против «идола истока», при толковании которого смешиваются **истоки** (происхождение феномена) и логические **причины** его появления. В нашем случае это особенно заметно. Истоком концептума является ментальный первосмысл (сущность), а причиной его — первообраз (явление), начинающий последовательный ряд преобразований в самостоятельных языках. Обнаруживается двойственность в проявлении концептума:

мысль — первосмысл, он же синкретизм идеи, или универсалия — **исток**;

слово — первообраз, он же внутренняя форма, или ближайшее значение — **причина** развития словесных масс.

Первые Лейбниц называл *идеями*, вторые — *понятиями* [Лейбниц 1982, т. 1: 152]. Слово отражает концептуальную категорию, которая, отсылая к концептуализации мира, зависит от самого пользователя языка.

Таким образом, на первом этапе организации индоевропейского корня проявился *первосмысл* в символическом знаке — *корне как основании*, но *первообраз* этого первосмысла, как достояние общеславянского языка, представлен в законченной лексической единице — в слове, — уже обросшем серией производных, которые совместно подкрепляют его смысловую суть. Именно о первообразе А. А. Потебня говорил как о «внутренней форме» слова, полностью отражающей типологическое соответствие концептума с его первым явлением в образе: «переложение... мысли вовне начинается, стало быть, обозначением ее тем, что *само невыразимо*, хотя и ближе всего к человеку» [Потебня 1976: 116]. А что может быть ближе собственных мыслей?

Концептум

Таким образом, уточняя понятие *концептума*, следует отметить, что в нашем сознании материально, в первом приближении, он есть то же, что и «внутренняя форма слова», открытая В. фон Гумбольдтом и разработанная А. А. Потебней как «ближайшее значение слова». Это — выраженное в устойчиво образном словесном корне представление о существенном признаке номинации. В. А. Звегинцев не без оснований понимал внутреннюю форму как **точку зрения** и особый **стиль языка** [Звегинцев 1962: 8]. Ю. С. Степанов считал, что, приблизительно, «внутренняя форма — ясная для говорящего этимология», «этимологический признак концепта» [Степанов 1997: 43]. На самом деле это не так: этимология есть **реконструкция** внутренней формы, а точка зрения есть **концепция**. Сложность определения

объясняется внутренней противоречивостью самой внутренней формы [Чикина 2005]: с одной стороны, она «необъективна» в отношении к **сущности** вещи, ибо содержится в слове, с другой же стороны, «само ее существование есть проявление потребности к познанию сущности вещей».

Теория ментальности предполагает постоянное возобновление концептума в новых его формах; исторически и системно **концептум есть инвариант всех возможных значений, данный как отношение смысла знака к обозначенной им вещи**. По суждению А. Ф. Лосева — «концепт есть единство смысла и вещи».

Каждый из них есть наводящий признак различения на фоне других образов мира. Символизм языка, по-видимому, может быть назван его поэтичностью; наоборот, забвение внутренней формы кажется нам прозаичностью слова, превращает его в **бытовой** знак. Это различие заметно на пословицах: создаваясь в эпоху действия символического мышления, пословицы сохранили свое символическое значение, предстая пред нами как образный жанр литературы. Их невозможно свести к понятию, они понимаются символически.

Таким образом, концептум есть соединение условного первосмысла в корне с первообразом — в сакральном удвоении словесных корней, что столь важным было в древние времена дуальной организации общества. Только такое **единство двух** порождало национальные формы ментальности. По-видимому, это типологическая особенность всех вообще языков.

Скрытый первосмысл

В прямом смысле слова каждый первосмысл является скрытым и проявляется только в первом образе корня. Но имеются случаи, когда и первообраз также отсутствует, а это значит, что у наличного слова **нет концептума**.

Представление об идеальной сущности *концептума* дают примеры употребления слов, которые не имеют своих производящих основ. Так, причастия типа *бандитствующие*, *фашиствующие* в современных публицистических текстах должны бы образовываться от глагольных основ, но соответствующих глаголов в русском языке нет; создающий определение признак «снят» непосредственно с имени (оно прямым образом выражает концепт), которое было **заимствовано** и потому **не имеет концептуального зерна в русском сознании** (*бандит, фашист*).

Неизбывный, неуголимый, несчастный и т. д. мы должны бы воспринимать в противоположность тому, что можно «избыть», «утолить» или «сделать счастливым» — но подобных этому положительных признаков также нет в русских словесных знаках; при всем том мы прекрасно понимаем, о каких оттенках печали идет речь.

Концептум в явном виде отсутствует и в следующих примерах.

Последовательность появления признаков *обаятельный* (1704) — *очаровательный* (1822) — *обворожительный* (1847) в общем для них значении ‘чарующий, пленительный’ показывает смену конкретного признака «чарования» при общности концептуального ядра, который в явном виде отсутствует, — «колдовские чары». Сначала колдовство словом, затем собственно колдовством, наконец — ворожкой. Хронологические границы появления слов условны: первое явилось до XVIII в., второе — факт XVIII в., третье распространилось в XIX в. Продолженная

смена признаков вплоть до *прелестный, чарующий, роковой* и т. п. прервала тонкую нить исчезающе неустойчивых ментальных соответствий, связанных с не выраженным концептумом; слова отошли на периферию бытовой речи.

Последовательная смена заимствованных терминов *максимальный — оптимальный — экстремальный* уже в наше время демонстрирует тот же путь «приближения к концептуму», в данном случае — стремление передать высшую степень качества. Но «внутренняя форма» каждого из прилагательных — своя самостоятельная, особая, отличная от остальных, что определяется источником заимствования, в котором и следует искать концептум.

Только по полной системе взаимных соответствий ключевых признаков культуры, скрытой в глубинах словесного знака, можно воссоздать *концептум* — **по следу, оставленному им** в текстах, по движению его смысла в преобразованиях содержательных форм через образ, понятие и символ. В основе описанного действия лежит древнейшая предметафорическая форма — *металепсис* как выражение попарного поиска семантически предполагаемого, скрытого третьего члена сравнения путем сопоставления наличных средств.

Скрытый первосмысл дает общее представление о сущности первосмысла вообще, он **есть** онтологически и **его нет** гносеологически (*мэон*).

Внутренняя форма

Представление А. А. Потебни о внутренней форме известно.

Внутренняя форма слова рождается вместе с **пониманием**, т. е. опирается на понятие: «*Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль*» [Потебня 1976: 115].

В слове **два** содержания — объективное (ближайшее этимологическое значение слова с единственным признаком различения) и субъективное со множеством значений. Первое содержание есть знак, символ, заменяющий второе [Потебня 1976: 114]. Согласно Потебне, «всякое предшествующее может быть названо внутренней формой последующего» [Потебня 1976: 115] — возникает градация переходов с последовательной зависимостью от предыдущего. В развитии *мысль — сознание — слово* мысль, представленная как «стремление к сознанию», есть *концептум*, а сознание как «совокупность опытов мысли» — *концепт* в полном составе своих содержательных форм.

Уточняющие замечания А. М. Камчатнова основаны на логике А. Ф. Лосева («диалектическое единство идеи и материи»): «мир несет свой собственный смысл (идею)», которая находится в самой вещи (это концептуализм) и одновременно вне ее, направляя ее движение (это уже реализм). Смысл поправки в том, что внутренняя форма есть не отношение к содержанию собственной мысли **человека**, а отношение собственной идеи **вещи к мысли**. В таком случае «внутренняя форма слова, или *ноэма*, — это субъективное понимание объективного смысла вещи» [Камчатнов 1998: 98]. Потебня обвиняется в психологизме (но таково общее направление науки его времени), в солипсизме и сенсуализме — это уж очень тонкое понимание классика. Да и «психологизм» у Потебни странный, он ограничен **терминологически**, выражая объективные сущности. Так, противопоставляя мысль и чувство,

Потебня говорил о содержании мысли в прошлом (*мысль*) и в настоящем (*чувство*) [Потебня 1976: 107].

Основные признаки «внутренней формы» в традиционном ее понимании совпадают с функциональными свойствами концептума:

- **постоянство существования**, причем развитие происходит путем развертывания внутренней формы до логического (на данный исторический момент) предела, возможного в границах данной культуры; ср. известное развитие смысла в словах типа *жалованье* или *верста*;
- **художественная образность**, т.е. сохранение устойчивой связи с производными по корню словами (*верста* — *сверстник*, *верстать*, *верстовой*), в результате чего
- **сохраняется семантический синкретизм** корня, представленный как семантический инвариант всей словообразовательной парадигмы, и продолжается
- **встроенность в систему идеальных компонентов** данной культуры (показано Потебней именно на истории слова *верста*);
- **общеобязательность употребления** для всех сознающих свою принадлежность к данной культуре, поскольку
- проявление *концептумов* народной ментальности в общем и **составляет обыденное сознание** представителей данной культуры, которое редко проявляется вовне, у посторонних данной культуре субъектов.

Концептум — понятие больше ментальное, понятие *внутренняя форма* — чисто лингвистическое. Здесь единство логического и лингвистического по необходимости раздваивается, поскольку концептум — единица ментальная, обретшая форму в языковом первообразе.

Традиция

По-видимому, представление об исходной единице сознания в бессознательном было свойственно науке давно. Концептум в текстах XX в. определялся в метафорических выражениях неопределенного содержания, как это обычно и бывает в самом начале исследовательского пути, когда научная мысль еще находится в поисках самого предмета описания. Суммарно выделенные из контекстов предикаты (их 36) относительно этого члена ментальной матрицы можно представить в виде следующих денотатов (для удобства даны в следовании «четырёх причин» Аристотеля — формальная, материальная, действующая и целевая [Аристотель 1981: 87–88]).

1. **Основания — ЧТО?:** сущность смысла, вещь-в-себе, первоначало бытия, туманное нечто, неопределенное нечто, **нечто**, воплощающее **ничто**, огненное слово, просто зародыш — основания, зародыш самой актуальности, первоявление, бесформенная потенциальность, начало чистой бесосновности.
2. **Условия — КАК?:** первосмысл / первообраз, скрытая категория на глубинном уровне сознания, точка схождения полюсов, концепт в синкретизме, намек — условия, источник всего и связи со всем, благородный корень.

3. **Причины — ПОЧЕМУ?:** форма форм, лишен структуры, нематериальный нуль, последняя структура, искомый Абсолют, раскрывается понятийно — причина, творческий элемент, источник творческой активности и самотворения, познание живой глубины.
4. **Цели — ЗАЧЕМ?:** принципиальное значение, инвариант всех возможных значений, вневременное содержание, основа обыденного сознания, реальная сущность сознания в подсознательном — цели, национальная субъективность.

Все эти признаки выражают подсознательное приближение к познанию того, что является основанием и причиной.

Семантическая константа (постоянная связь каузальных отношений) строится путем определенного подбора текстов, жестко связанных соотношением вопросов: **что это?** — основание, **как** проявляется? — условие, **почему** действует? — причина, **зачем** создается? — цель. Выбор тех или иных предикатов определяется основанием. Основание устанавливает всю последовательность действий, ибо «эта аксиома, что *ничего не бывает без основания*, должна считаться одной из самых важных и плодотворных аксиом человеческого познания» [Лейбниц 1984, т. 3: 141]. Подобно тому, как смысл именительного падежа (падежа субъекта) содержится в любой форме склонения, точно так же основание сохраняется во всех «причинах», ибо «никогда ничто не случается без достаточного основания» [Лейбниц 1989, т. 4: 157]. С точки зрения когнитивной психологии весь массив текстов, привлеченных к описанию концепта, подпадает под определение *репрезентации* (лат. *repraesentatio* ‘наглядное представление’) — нестабильной «конструкции индивидуального исполнения для специфических целей, которая учитывает всю совокупность элементов ситуации или задачи» исполнения [Ришар 1998: 5]. Эти конструкции детализированы и непрочны, поскольку авторски переменчивы, и этим отличаются от постоянства и устойчивости **знания**, не связанного с реальной индивидуальной ситуацией. Тем самым совокупность репрезентаций дает «наглядное представление» о сущности коллективного бессознательного в ее общем виде.

Однако возможно и представление всех четырех «причин» у одного отдельного автора — когда он сознательно ставит перед собой такую задачу. Например, русский философ С. Л. Франк в своем толковании «концептума» в книге, посвященной «метафизике человеческого бытия» [Франк 1956], в разных местах дал несколько определений, четко выстраивающих каузальную цепочку:

- 1) **что** это? — зародыш самой актуальности (!);
- 2) **как** проявляется? — бесформенная потенциальность (!), начало чистой безосновности;
- 3) **почему** действует? — творческий элемент активности (!);
- 4) **зачем** создается? — познание живой глубины (!).

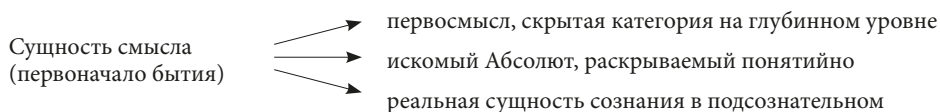
В построении семантической константы мы получаем, по существу, законченное **философское понятие** концептума:

Концептум есть **зародыш самой актуальности в (своей) бесформенной потенциальности и чистой безосновности как творческий элемент активности ради познания живой глубины.**

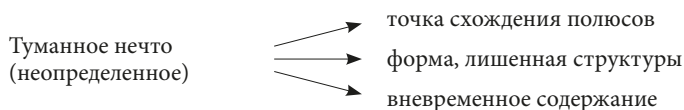
Философ в своем подсознании понял сущность того, что в его время и понятия не имело; он основывался на аристотелевских «причинах». В подобном **высветлении** подсознательных импульсов мышления и состоит задача концептологии как раздела когнитивистики.

Примеры семантических констант

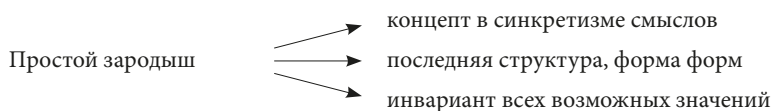
В зависимости от выбора основания возможны следующие семантические константы предложенных определений, выражающие систему каузального ряда:

Читается: «Концептум — это сущность первосмысла — скрытой категории на глубинном уровне сознания, т. е. искомый Абсолют, раскрываемый понятийно в целях понимания реальной сущности сознания в подсознательном — основы обыденного сознания».

Читается: «Концептум — это туманное нечто в точке схождения полюсов (смысла), форма, лишенная структуры с вневременным содержанием».

Читается: «Концептум — это простой “зародыш” концепта в синкретизме смыслов как конечная структура формы форм — принципиальное значение, инвариант всех возможных значений».

Последовательность оснований в инвариантах представлена как смысловое сгущение: *туманное нечто — простой зародыш — сущность смысла*. Последовательность условий дается в том же порядке: *точка схождения — концепт в синкретизме смыслов — категория на глубинном уровне сознания*. Последовательность причин такова же: *форма вне структуры — форма форм как последняя структура — искомый Абсолют*. Последовательность целей также устанавливается вполне адекватно: *вневременное содержание — как инвариант всех возможных значений — данное как реальная сущность сознания в подсознательном*.

Взаимное соответствие составов концепта подчеркивает точность выделенных денотатов и четкость их определений. И в авторских квалификациях концептума исследователи обычно отмечают только одну какую-то конкретную сторону этого феномена, так или иначе останавливаясь на причине как основном (все — составы каузального ряда суть проявления причины) — целое познается по части (синекдоха). Наша сводная схема в совместном действии всех «причин» способствует приближению к осознанию понятия «концептум», не достигая, впрочем, его окон-

чательных пределов — из-за описательного характера текстов, часто прибегающих к метафорам.

Алгоритм построения семантической константы в точности соответствует русскому типу мышления. Русский не просто индивидуально **мыслит**, он еще коллективно **думает**, последовательностью добавлений все новых фрагментов каузальности обогащая в **диалогах** полный состав причинности. При этом идеальное основание уже содержит свою реальную цель, которая материализует основание, уточняет его причинные содержания, замыкая его в полный состав семантической константы. В результате на фоне различных причин выстраивается законченная картина реального действия.

Внутреннюю сущность подобного собирания высказываний описал и М. М. Бахтин: это важно для **понимания**. «Всякое понимание диалогично» [Бахтин 1975: 112], «диалог — диалектический тип познания в высказывании» [Бахтин 1975: 57], его значение в том, что диалог в принципе поливалентен и **всеголосен**, распространяется в разные стороны и создает бифокальное зрение на объект, расширяя горизонт действием обоих полушарий мозга. При этом существенно, что «в диалоге важна не истина, а смысл» [Бахтин 1975: 57] (смысл коллективного бессознательного), который мы и получаем построением семантических констант (ментальных формул).

Построения семантических констант внешним образом напоминают популярные в прошлом веке феноменологические модели [Колесов 2007: 350 и сл.], которых могло быть очень много. Говорили даже о **неединственности** решения систем. Отличие семантических констант состоит в том, что это не субъективные конструкции, а представленное на основе объективных предикатов коллективное бессознательное, которое актуализировано в авторитетных текстах. Семантическая константа опирается на основание *корня*, который развивается («растет») в линейной последовательности, не имеющей ничего общего с ветвистой схемой ризомы (*корневища*) французских постструктуралистов.

Результаты

Соединяя все представленные понятия, отметим различие между их содержанием. *Этимон* есть конструкт сущности, тогда как *внутренняя форма* — явление этимона; *концепт* — формальный конструкт концептума, тогда как сам *концептум* — реальная сущность сознания в подсознательном. П. А. Флоренский специально отметил, что этимон всегда включает только **один** признак, следовательно, эквивалентен понятию в термине, в то время как внутренняя форма — образ, а сам концептум символичен [Флоренский 1990: 239].

В результате концептуальное поле сознания современного человека определяется постоянным и неустанным «освежением образа» слова при одновременном обогащении смыслом включенного контекста, но при обязательном сохранении национального своеобразия в коренном отношении — единство **концептума** держит и сохраняет единство национальной речемысли. Необходимый синтез коллективного **знания** и личного **сознания** происходит на основе **концептумов** данной культуры как способ и возможность дальнейшего **познания**.

Все сказанное приводит к выводу о том, что первосмысл обретается не в точке прошлого, где он возник и материализовался в своей форме, а в общем пространстве времен. Он соединяет народ в пространстве и времени, а общая совокупность национальных концептов служит для построения национальной культуры и цивилизации.

Литература

- Аристотель 1981 — Аристотель. *Сочинения*: в 4 т. Т. 3. Рожанский И. Д. (ред.); Брагинская Н. В., Миллер Т. А., Лебедев А. В., Карпов В. П. (пер.). М.: Мысль, 1981, 613 с. (Философское наследие).
- Аскольдов 1928 — Аскольдов С. А. “Концепт и слово”. *Русская речь. Новая серия*. Щерба Л. В. (ред.). Вып. 2. Л.: Academia, 1928, сс. 28–44.
- Бахтин 1975 — Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики*. М.: Художественная литература, 1975, 502 с.
- Бенвенист 1955 — Бенвенист Э. *Индоевропейское именное словообразование*. Андреев Н. Д. (пер.). Горнунг Б. В. (ред.). М.: Изд-во иностр. литературы, 1955, 260 с.
- Гегель 1974 — Гегель Г. В. Ф. *Энциклопедия философских наук*: в 3 т. Т. 1: Наука логики. Столпнер Б. Г. (пер.); Ситковский Е. П. (отв. ред.). М.: Мысль, 1974, 451 с.
- Демидов 2011 — Демидов Д. Г. *Связанные и свободные функции местоименных основ в истории русского языка*. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2011, 339 с.
- Звегинцев 1962 — Звегинцев В. А. *Очерки по общему языкознанию*. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1962, 384 с.
- Камчатнов 1998 — Камчатнов А. М. “А. А. Потебня и А. Ф. Лосев о внутренней форме слова”. *Русский филологический вестник*. 83, 1/2, 1998: 56–63.
- Колесов 2007 — Колесов В. В. *Реализм и номинализм в русской философии языка*. СПб.: Logos, 2007. 382 с.
- Лейбниц 1982–1989 — Лейбниц Г. В. *Сочинения*: в 4 т. М.: Мысль, 1982–1989. (Философское наследие).
- Лихачев 1993 — Лихачев Д. С. “Концептосфера русского языка”. *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 52, 1, 1993: 3–9.
- Потебня 1976 — Потебня А. А. *Эстетика и поэтика*. Иванько И. В., Колодная А. И. (вступ. ст.). М.: Искусство, 1976, 614 с.
- Ришар 1998 — Ришар Ж. Ф. *Ментальная активность: Понимание, рассуждение, нахождение решений*. Ребеко Т. А. (пер.). М.: Ин-т психологии РАН, 1998, 232 с.
- Степанов 1997 — Степанов Ю. С. *Константы: Словарь русской культуры*. М.: Языки русской культуры, 1997, 824 с.
- Флоренский 1990 — Флоренский П. А. *Сочинения*: в 3 т. Т. 2: У водоразделов мысли. М.: Правда, 1990, 447 с.
- Франк 1956 — Франк С. Л. *Реальность и человек: Метафизика человеческого бытия*. Париж: YMCA-press, 1956, 415 с.
- Чикина 2005 — Чикина Е. Е. “Внутренняя форма в аспекте когнитивной лингвистики”. *INTERCULTUR@L-NET4*, 2005. URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/108/> (дата обращения: 19.05.2017).

Статья поступила в редакцию 19 мая 2017 г.
Статья рекомендована в печать 19 августа 2017 г.

“Pervosmysl” of the concept

For citation: Kolesov V. V. “Pervosmysl” of the concept. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, issue 3, pp. 438–452. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.309> (In Russian)

The article presents the results of the research in the field of historical conceptology. The ways of occurrence of *pervosmysl* (primary sense, primus movens) are shaped in the form of a *prototype* and collectively referred to as the *conceptum* (lat. *conceptum* ‘grain, embryo’), as the initial *concept* (lat. *conceptus* ‘contains’), consistently forming a new form of image, symbol and idea. The author distinguishes between three levels derived from the Latin: *concipio* ‘to collect, contain, occur’ on the basis of *pervosmysl* the original proto-Indo-European “three-letter roots” (E. Benveniste); *conceptum* identified as ‘grain’ of *pervosmesl*, *conceptus* as a concept (sense), *conceptio* as conception with the formation of the *meanings* of verbal signs, respectively *prō* > *pra* (*pervosmysl*), *pra-v* with the extension consonant distributor *-v-* (*prototype*), with the suffixes *pra-v-ьd-a* (*symbol*), *pra-v-ьd-ьn* with the final form *pra-v-ьd-ьn-ost-ь*, representing the conceptual structure of the concept, which thus completed its formation. In the result of phonetic transformations over the centuries, it is difficult to reveal the initial relationship, for example, English *man* and Russian *муж*, *language* and *язык*. *Pervosmysl* can already distort the perspective of understanding how this happened with the root *prō* > *pra* — change direct perspective on the back (*npaдeд* in the past). *Pervosmysl* of *conceptum* connects far divergent branches of the Indo-European languages, because only *pervosmysl* of *conceptum* is unchanging and eternal.

Keywords: concept, conceptum, conceptio, conceptual square, inner form, semantic constant.

References

- Аристотель 1981 — Aristotel'. *Sochineniia* [Works]: in 4 vols. Vol. 3. Rozhanskii I. D. (ed.). Braginskaia N. V., Miller T. A., Lebedev A. V., Karpov V. P. (transl.). Moscow: Mysl' Publ., 1981, 613 p. (Filosofskoe nasledie [Philosophical Heritage]). (In Russian, transl. from Ancient Greek)
- Аскольдов 1928 — Askoldov S. A. “Kontsept i slovo [Concept and Word]”. *Russkaia rech'. Novaia seriia* [Russian Speech. New Series]. Shcherba L. V. (ed.). Vol. 2. Leningrad: Academia Publ., 1928, pp. 28–44. (In Russian)
- Бахтин 1975 — Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of Literature and Aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975, 502 p. (In Russian)
- Бенвенист 1955 — Benveniste E. *Origines de la formation des noms en indo-européen*. Paris: S. p., 1935, 224 p. (Russ. ed.: Benvenist E. *Indoevropеiskoe imennoe slovoobrazovanie* [Indo-European Nominal Word Formation]. Andreev N. D. (transl.), Gornung B. V. (ed.). Moscow: Izd-vo inostr. literatury Publ., 1955, 260 p.) (In Russian, transl. from French)
- Гегель 1974 — Hegel G. W. F. *Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften*. 2. Aufl. Heidelberg: A. Oswald, 1827. (Russ. ed.: Gegeľ G. V. F. *Entsiklopediia filosofskikh nauk* [The Encyclopedia of the Philosophical Sciences]: in 3 vols. Vol. 1: *Nauka logiki* [Science of Logic]. Stolpner B. G. (transl.). Sitkovskii E. P. (ed.). Moscow: Mysl' Publ., 1974, 451 p. (In Russian, transl. from German)
- Демидов 2011 — Demidov D. G. *Sviazannye i svobodnye funktsii mestoimennykh osnov v istorii russkogo iazyka* [Bound and Free Functions of Pronominal Bases in the History of the Russian Language]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, Faculty of Philology Press, 2011, 339 p. (In Russian)
- Звегинцев 1962 — Zvegintsev V. A. *Ocherki po obshchemu iazykoznaniiu* [Essays on General Linguistics]. Moscow: Moscow State University Press, 1962, 384 p. (In Russian)

- Камчатнов 1998 — Kamchatnov A. M. "A. A. Potebnia i A. F. Losev o vnutrennei forme slova [Potebnia and Losev on the Internal Form of the Word]." *Russkii filologicheskii vestnik* [Russian Philological Bulletin]. 83, 1/2, 1998: 56–63. (In Russian)
- Колесов 2007 — Kolesov V. V. *Realizm i nominalizm v russkoi filosofii iazyka* [Realism and Nominalism in the Russian Philosophy of Language]. St. Petersburg: Logos Publ., 2007, 382 p. (In Russian)
- Лейбниц 1982–1989 — Leibnits G. V. *Sochineniia* [Works]: in 4 vols. Moscow: Mysl' Publ., 1982–1989. (Filosofskoe nasledie [Philosophical Heritage]). (In Russian, transl. from German, Latin, French)
- Лихачев 1993 — Likhachev D. S. "Kontseptosfera russkogo iazyka [Concepts of the Russian Language]". *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka* [Izvestiya of the RAS. Series of Literature and Language]. 52, 1, 1993: 3–9. (In Russian)
- Потебня 1976 — Potebnia A. A. *Estetika i poetika* [Aesthetics and Poetics]. Ivan'io I. V., Kolodnaia A. I. (introd.). Moscow: Iskustvo Publ., 1976, 614 p. (In Russian)
- Ришар 1998 — Richard J.-F. Les activités mentales : comprendre, raisonner, trouver des solutions. Paris: Armand Colin, 1990. 446 p. (Russ. ed.: Rishar Zh. F. *Mental'naia aktivnost': Ponimanie, rassuzhdenie, nakhozhdenie reshenii* [Mental Activity: Understanding, Reasoning, Finding Solutions]. Rebeke T. A. (transl.). Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 1998, 232 p. (In Russian, transl. from French)
- Степанов 1997 — Stepanov Iu. S. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1997, 824 p. (In Russian)
- Флоренский 1990 — Florensky P. A. *Sochineniia* [Works]: in 3 vols. Vol. 2: U vodorazdelov mysli [At the Watersheds of Thought]. Moscow: Pravda Publ., 1990, 447 p. (In Russian)
- Франк 1956 — Frank S. L. *Real'nost' i chelovek: Metafizika chelovecheskogo bytiia* [Reality and Man: Metaphysics of Human Existence]. Paris: YMCA-press, 1956, 415 p. (In Russian)
- Чикина 2005 — Chikina E. E. "Vnutrenniaia forma v aspekte kognitivnoi lingvistiki [Internal Form in the Aspect of Cognitive Linguistics]". INTER-CULTUR@L-NET.4, 2005. URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/108/> (accessed date: 19.05.2017). (In Russian)

Received: May 19, 2017

Accepted: August 19, 2017